

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Эссе к оксфордскому конкурсу

Борис Ихлов

*... Пока быки бредут, как боги,
Боками трутся на дороге
И жвачку времени жуют.*

Мир стал иным. Хотя он и вытекал из мира старого, но прежние черты из скрытых вдруг стали явными и приобрели тотальный характер. Мир стал диким и дебильным. Не остался в стороне и пермский классический университет. Пермский государственный национальный исследовательский университет, ПГНИУ. Раньше – просто ПГУ. Почему национальный, какой именно нации университет – никто не знает. Если русской, то какого черта там делают китайцы, евреи, татары, индусы, азербайджанцы, алжирцы и прочие. А вот слово «исследовательский» - за него нужно было еще бороться, не каждый университет получил такое высокое звание, а от того, есть оно или нет, зависит финансирование.

Университет возник из медицинского института в 1916-м, как филиал Петроградского, как самостоятельный - учрежден Временным правительством. Это крупный комплекс из нескольких зданий, стоящих на улицах Генкеля, Букирева, Дзержинского и Данщина. 1-й корпус – административный, в нем же располагаются биологический и физический факультеты. Во 2-м корпусе, который обычно называют «Ленин с Горьким» из-за памятника перед входом, сидят историки, математики, философы и опять же биологи. Для экономистов, геологов и химиков отгрохали отдельные корпуса. В 5-м корпусе обретаются филологи, географы и юристы. Наконец, рядом с химфаком – корпус, где студенческий клуб, зал для собраний и два десятка аудиторий. В состав комплекса входит Естественно-научный институт (ЕНИ), бывший виварий, где нынче биологическая лаборатория, новый хилый виварий, ботанический сад, ОКБ «Маяк», столовая и два общежития. В службе такси молодые операторы, если назвать «ПГНИУ», всегда путаются, потому что в базе данных так и остался ПГУ, вторых, называют улицу Букирева. Правда, порой находят улицу Дзержинского, на которой стоит 5-й корпус: «А, юридический колледж!» Есть еще корпус, где ранее была военная кафедра, и корпус, где ранее жили геологи. Да, еще новый Региональный институт непрерывного образования, и Соликамский государственный педагогический институт записали туда же.

Есть еще место для микробиологов в Институте генетики и экологии, у черта на куличках, на ул. Голева, есть еще три общежития на ул. Петропавловской, в десяти минутах ходьбы, и два шикарных общежития для семейных на ул. Белинского, в центре города, в «сталинках».

12 факультетов, 78 кафедр. Разумеется, в духе новых веяний в университете, чтоб всем тошно стало, состряпали кафедру теологи. Что вы, что вы! Если сотрудник Курчатовского института лезет в синагогу измерять Фаворский свет, как может остаться в стороне ПГНИУ.

В 1985-м в университете обучались 25 тыс. студентов, то в 2019-м – 11,4 тыс., вместе с прорвой иностранцев, причем со снижением качества и преподавания, и выпускников. Ныне преподаватели читают лекции так: показывают слайды и зачитывают, что на этих слайдах написано. Студенты вместо полноценных коллоквиумов делают идиотские презентации, ни уму, ни сердцу, ни ядреной матери, которые к обучению имеют такое же отношение, как премьер Медведев – к интеллекту.

В 20-е годы прошлого века в пермском университете трудился автор модели расширяющейся вселенной А. А. Фридман. Он пишет в дневниках: «Два года в Перми, два года занимался гидродинамикой, два года вычеркнуты из жизни».

До перестройки на физфаке преподавал Юрий Абелевич Непомнящий, доцент, преподавал всё подряд. Но специалистом был только по жидкому гелию. Но в теории. Звали Непомнящего по-разному: Юрием Кабелевичем, Юрием Кобелевичем, глистой, аутом... По-разному. Читал он примерно так: начинал писать формулу в одном конце доски, продолжал в другом, заканчивал в третьем. Как-то брал сложный интеграл, брал три пары подряд, запутался, плюнул и объявил: «Сами возьмёте». Часто забывал, что хотел сказать, и обожал использовать ту математику, до которой студенты должны были добежать лишь через пару лет обучения. Или вообще никогда не добежать. Однажды студенты набрались храбрости и сказали Юре: «Вы плохо читаете лекции». На что Юра, ничуть не смутившись, ответил: «Вы лжётё».

Дипломы Кабелевич давал по разным темам, исключительно с той целью, чтобы дипломники его образовывали в тех областях, с которыми он не был знаком.

В начале 90-х Юра съехал в Израиль, работу ему там не дали, и Юра через год помер.

В начале 90-х съехали в Израиль и университетский физик, доктор наук Айнбиндер, и профессор Жуховицкий из пединститута, и оба умерли через год.

Особая страсть у преподавателей кафедры теоретической физики была к нелинейным членам в дифференциальных уравнениях. У старого Гершуни нелинейный член «вываливался» из уравнения, несравненный Дальво Ибрагимович Кадыров «выкручивал и выдирает» нелинейный член. Но всех перецеголял Юрий Клавдиевич Братухин, который собрал нелинейный член «по кусочкам».

Физикам 1978 года выпуска тему дифференциальных уравнений читали две недели. Для сравнения: в Новосибирском университете это годовой курс. Результат: ни один выпускник не научился решать дифференциальные уравнения.

Где-то в середине 90-х на физфак приняли пермского поэта и большого демократического либерала Игоря Муратова - читать тот же курс дифференциальных уравнений. Игорек хоть и закончил отделение теоретической физики, в науке был стерилен – ни единой научной работы. Спросите, как это он устроился? Просто: по протекции ректора педагогического университета Капцуговича, по совместительству сотрудника КГБ. Студенты стонали. Наконец, Муратов сбежал, и его приняли преподавать на журфаке.

Вернемся к Дальво. Начинать он свою карьеру примерно так: быстро-быстро что-то писал на доске одной рукой, одновременно стирая написанной рукою другой. Студенты возмутились, накапали декану, Дальво убрали. И кинули его на химфак, где он читал курс теоретической механики. Бедные химики! Они тоже пожаловались. Тогда Дальво взял неподъемный для химиков курс теоретической физики Ландау и Лившица и стал читать строго по книге, вместе со знаками препинания.

Остался в истории Перми и журфак. Декан журфака, ранее декан филфака Вова Абашев, бывший член парткома КПСС университета, выступил вместе с либеральным вице-губернатором Никитой Белых с необычайно полезной инициативой – переименовать 35 улиц города, связанные с коммунизмом, с советской властью, с революцией. Чтобы жизнь медом не казалась, чтобы жители ума походили, меняя паспорта, чтобы весь транспорт на уши встал. «Топонимика – это важно для экономики», - говорил Абашев.

Чтоб глядеться чистыми -

Слышно там и тут:

Наши «коммунисты»

Прошное клянут.

Всё ж Абашев не был первым. Первым за дело взялся преподаватель мехмата университета, депутат городской Думы либерал Зотин, разворовавший городской бюджет. Будут говорить о Перми – обязательно вспомнят Зотина: вот, дескать, переименовал улицу Карла Маркса обратно в Сибирскую. Чем достал пермских чиновников, вчерашних членов КПСС, Маркс, который не то, что в революции не участвовал, вообще не был в Перми? Злые языки утверждают: потому Маркс стал ненавистен, что в статье «К еврейскому вопросу» крепко приложил евреев за торгашество: «Эмансипация евреев есть эмансипация человечества от еврейства».

Чем же обидели чиновников Орджоникидзе и Киров – теряемся в догадках.

Позже глава Союза правых сил Никита Белых вместе с единороссом Андреем Агишевым, местным олигархом, разворует баскетбольный клуб «Урал Грейт», фонд «Детство-1» и так далее, за что его президент назначит губернатором Кировской области. Белых покинет Пермь. А Пермь останется с переименованными на кой-то ляд улицами.

Вот и бывший губернатор Чиркунов, по прозвищу Чиркуноль, выпускник Академии КГБ, воровавший через врезку в трубе нефть у «Лукойла», смылся в свое поместье во Францию, верно, будет там призывать переименовать станцию парижского метро «Сталинград».

Если б вы знали, как резко изменилась жизнь Перми после переименований! Зарплаты взлетели вдесятеро, на каждом углу стали раздавать свежую телятину и красную икру. Настоящую. Бесплатно.

Освещают же все эпохальные события Пермского края выпускники журфака, как до возникновения нового факультета, так и после пресса пермская – как всегда безграмотна, глупа, уныла и продажна. Вся.

В ПГНИУ даже скандалов нет. Единственный раз в 2017-м шесть посикушек конкурса «Мисс университет» выложили свои фото в интернет. Раз нет скандалов – надо их придумать, эти фото объявили скандалом. Ничего там особого нет, ни груди, ни попы, ни писи. Видели бы вы рожи этих дурочек, это не «Мисс университет», а «Мисс деревня».

Да, еще одного китайского студента засекали на наркоше.

Еще в 2015-м в городе Березники Пермского края, где каждый третий отсидел, у ПГНИУ в местном его филиале скрали аж целых 700 тыс. р. Пермские СМИ уверяли, что ректора Макарихина не переизберут, однако обошлось. Переизбрали.

Всё.

Вы почитайте, почитайте, что пишут-то про ПГНИУ!

Ничего. В таком-то году занял почетное 57-е место.

Какие открытия сделал университет? Да никаких.
Почитайте, что пишут о Перми! Да тоже ничего.
Разве может быть буря на болоте.

Преподавание на экономическом факультете университета было своеобразным. Спортсмен-волейболист (за что и взяли в университет) Лёва Смирнов рассказывал, как студентка экономфака, его любовница, писала диплом: «Я с нее не слезал». Две студентки, обе любовницы декана, получив распределение, перессорились и передрались.

Одной достался Ленинград, другой, обиженной, Орел:

- Я у него первой была!

- Зато меня он больше любил!

Преподаватель экономфака Евгений Саулович Сапиро, большой либерал, был пойман за руку на перепродаже автомобилей «Волга».

Выпускник физфака, физик-теоретик, точнее, специалист по студенческим вёснам, аспирант экономфака Гриша Баршевский основал банк «БиС-кредит», обул вкладчиков и смылся в Америку.

Выпускник экономфака Закоптелов стал уголовным бизнесменом, вместе с уголовником Пантелеевым захватил химический завод «Камтекс», всё развалил, поувольнял рабочих, закрыл цеха и смылся из Перми. Хозяином «Камтекса» остался подельник Закоптелова, таксист Иванов, бывший смотрящий по Закамску.

Выпускник профкома экономфака, педераст (ныне это слово дозволено цензурой) Игорек Шубин, стал мэром Перми, разворовал несколько бюджетов и покинул Пермь.

Демократический чиновник пермской администрации Бесфамильный родился в год, когда Брежнев сменил маршала Ворошилова на посту председателя Президиума ВС СССР, в день открытия Всемирной конференции в Москве, на которую съехались представители 81 компартии. Человек недюжинного склада ума, в возрасте, когда революционер и великий математик Эварист Галуа успел дважды отсидеть в тюрьме, когда рядовые граждане едва-едва заканчивают учебу на 1-м курсе, Бесфамильный – в 19 лет!!! - уже закончил экономический факультет ПГУ. И сразу же стал начальником.

Какие, действительно, могут быть испытательные сроки, знакомство с дипломом, не фальшивка ли, знакомство с производством, приобретение навыков и прочая чепуха – он без смущения и колебаний возглавил Бюро труда и зарплаты, да не где-нибудь, а на электротехническом заводе, как тогда говорили – «секретном». Сын своего отца, Якова Бесфамильного, и брат своего брата, работавшего на том же заводе начальником цеха, Александр Яковлевич проявил редкое трудолюбие и совместил работу начальника с работой заместителя начальника одного из цехов на том же заводе. «Всю капусту сожрали...»

Всего через 4 года, когда генеральным секретарем КПСС стал Константин Устинович Черненко, юный Александр Яковлевич дорос до поста зав. сектором обкома ВЛКСМ (отдел рабоче-сельской молодежи). Когда же в стране начались первые забастовки, когда рабочие Ярославского моторостроительного выступили против «черных» суббот и воскресений, Бесфамильный по зову сердца ринулся на горячую работу – инструктора пермского ГУВД.

Не будем останавливать внимание на годах жизненного пути Бесфамильного в качестве зам. главы администрации Перми. Результаты его чуткого руководства видел каждый, более того, чувствовал у себя под ногами. Сосредоточимся на его активности в разгар перестройки. Когда в воздухе отчетливо запахло рыночными отношениями, Александр Яковлевич, опять же по зову сердца, возглавил правление коммерческого банка «Заря Урала».

Это был весьма любопытный банк. Его называли «профсоюзным». Кто только не хранил в нем кровные сбережения. Кто только не брал в нем кредиты. Брал и Юрий Петрович Трутнев. И надо же такому случиться – едва Трутнев стал мэром Перми, как «Заря Урала» совершенно неожиданно обанкротилась.

Злые языки утверждают, что одному из членов ликвидационной комиссии, занимавшейся «Зарей Урала», некто (фамилию не называют, чуть ли не бесфамильный) пытался дать взятку. Впрочем, иные утверждают, что Бесфамильный вел себя честно. Но факт остается фактом: Трутнев долги не вернул и уехал министерствовать.

И долго еще обманутые пермяки обивали пороги банковских контор и различных инстанций. А им отвечали: «Не знаем, кто взял ваши деньги. Не можем назвать фамилии. Без фамилии. Словом, кто-то бесфамильный...»

С тех пор банк называют «Заря Украла».

И депутат Госдумы Андрюша Климов помахал Перми ручкой, обещал отстроить как надо аэропорт Большое Савино, да воз и ныне там. Тоже закончил экономфак, точнее, факультет студенческих вёсен, большой юморист и либерал с детских лет, до костей мозга.

Пермяки любят тех, кто их по-кинул.

Геологический факультет, как и горный факультет политехнического, был самым отстойным в университете. Как всё переменялось! Когда стали масштабно продавать нефть, газ, алюминий, чароит, ванадий... словом, все, что можно украсть за доллары.

Над студентами-биологами измывались две сестры-двойняшки Бойко, одна профессор, другая доцент. Официально занимались биофизикой, реально - бизнесом, делали огромные деньги на фальшивых изобретениях. Одним из таких было влияние красного света на рост огурцов. Чтобы никто не сомневался, Бойки заставляли студентов подсаживать в тепличные грядки вместо облученных огурцов огурцы побольше. В 1998-м ударил дефолт, и сестричек, наконец, уволили, за профнепригодность.

Некогда в университете преподавал магнитную гидродинамику членкор Кирко. «Я б с Киркой в Москве уран нашел». Кирко хотел пробить в университете или Академии лабораторию с жидким гелием. Однако начальство сказало: «Народу это не нужно!» Вот результат: по сей день в Перми нет СКВИДов, никто не использует эффект Джозефсона.

Работал некогда в университете радиофизик Гречишкин. Гречишкин хотел на базе университета построить институт радиоэлектроники. Начальство сказало: «Народу это не нужно». Гречишкин плюнул на университет и уехал в Ленинград. А в 1978-м на физфаке отменили специальность «радиофизика». Оставили «специализацию». Это означало, что выпускники с такой специализацией вполне могут по распределению загреметь учителями в школу. И грянул недобор! Тогда все, кто завалил экзамены в другие вузы, рванули на физфак. Вот результат: от 115 человек к моменту написания диплома остались 52, через два года из них в физике остались четверо. Потом с заводов тихо утекли и радиофизики. Кто стал бухгалтером, кто ушел в торговлю, троечник Саша Васильев – в КГБ, а кто осел в школе. Однажды университет решил организовать встречу выпускников-радиофизиков и преподавателей университета. Как отметили выпускники преподавателей! «Вы все годы обучали нас радиолампам, когда мир давно работает с микросхемами!»

На физфаке сложилась кастовая система: самые светлые головы шли в теоретическую физику, похуже – в гидродинамику, еще хуже – в радиофизику, тех, которые вообще ни черта не соображали, отправляли в металлофизику, к Айзенцону. Но и на теоретической физике были касты. Точнее, кланы. В университете теоретик мог заняться только двумя вещами: либо гидродинамикой, либо магнитным резонансом. Всё.

Физик-теоретик Шура Никитин закончил физико-математическую спецшколу-интернат при МГУ, по окончании физфака профессор Гершуни Г. З. оставил его в аспирантуре.

- Почему ты, Шура, бросил аспирантуру?

- Понимаешь, гидродинамика – это скука. И вообще всё наше образование – фарс.

Прошли годы, пришла демократия, стало еще хуже.

До перестройки студентам физфака преподавали: историю КПСС, психологию, педагогику, этику, исторический материализм, политэкономия, научный коммунизм, диалектический материализм, весьма полезные для физики дисциплины. Причем к реальному марксизму-ленинизму, то есть, к науке, все эти предметы не имели равным счетом никакого отношения. В течение семестра студенты проходили практику преподавания в школе, из 5 лет обучения в вузе вычтем еще полгода.

После перестройки форма сменилась, содержание осталось.

В ЕНИ после перестройки фактически исчезли лаборатория радиоспектроскопии, выпускавшая работы мирового уровня, лаборатории радиобиологии, на креслах начальников лабораторий ЕНИ, заведующих университетскими кафедрами – выжиги и безграмотные кретины.

По сей день в университете нет фундаментальной физики, не изучают элементарные частицы, не осваивают общую теорию относительности, нет специалистов по квантовой теории поля, нет квантовой электроники. Точнее, гравитационисты-то есть, только ведут они, как бы сказать, партизанский образ жизни.

Потому на физфаке из теории групп ранее преподавали три странички из книги Ландау и Лившица «Квантовая механика», из тензорного анализа – две странички из книги Седова «Механика сплошной среды», линейную алгебру – всего полгода, векторного анализа – два занятия, вместо теории вероятности – три лекции введения в термодинамику. А топологию, теорию множеств, функциональный анализ, континуальное интегрирование, дифференциальную геометрию вообще не преподавали и не преподают.

В университете нет кибернетики, генной инженерии, бионики, генетики. Институт генетики и экологии вне университета – есть, но и там нет генетики.

Зато была военная кафедра! Один день в неделю, с утра до вечера, 2,5 года. И двухмесячные военные сборы в Чебаркуле с экзаменом и присвоением звания лейтенанта.

Не знаю, как в другие вузы, в а пермский госуниверситет – ссылали. Так, майор Плащевский, будучи на учениях в разведке, прокрался в полк к противнику и пообедал в его столовой. Сообщил координаты, командование назначило условный ядерный удар. А полк ночью снялся и упорол на 40 км. Плащевского пнули в ПГУ.

Капитан Гуцу – утопил 12 танков в болоте.

Майор Федоров не был майором, а поступил в консерваторию, петь. Но его прихватили люди в штатском и поставили перед выбором: либо в КГБ, либо в танковые войска. Федоров стал танкистом и, как человек не танковый, загремел в ПГУ.

Тактику преподавал полковник Крылов. Знания он давал студентам примерно так:

- Знаете ли вы, что такое рыбалка?! Это... это как обладание женщиной!

И далее повести, каких щук он выловил.

Такие же повести из жизни рассказывал вместо огневой подготовки полковник Зубов.

Хим. защиту преподавал подполковник Неху... простите, Нехаев. 30% студентов физиков – очкарики, и Нехаев любил глядеть, давась от смеха, как после команды «Газы» будущие физики натягивали на свои очки противогазы.

- Чем отличается студент, - спрашивал на учениях выстроенных в ряд несчастных подполковник Коваленко, - от рядового бойца регулярной армии? Прикажи я бойцу ползти отсюда, из леса, до университета, по-пластунски – не поползет. А студент поползет. Потому что студенту нужен диплом.

Но хуже всех был Плащевский, он откровенно издевался над студентами. Студента Кулипанова называл Калепановым, но это мелочь!

- Подошел ко мне тут один, - рассказывал на занятиях Плащевский, - дай, говорит, 10 копеек. А я ему: «А ты х... у пьяной обезьяны в золотой оправе сосал?!»

Однажды 1 апреля в 8-м общежитии студенты повесили плакат с карикатурой на Плащевского, с побегами молодого дубка вместо рогов и с подписью: «Всем, кто имел сношения в майором Плащевским, срочно поставить прививши от клещевого энцефалита».

Рядом со своим автомобилем майор всегда ставил дневального – чтобы студенты не нацарапали на корпусе матерное слово.

Выйдя на пенсию, Плащевский устроился начальником отдела техники безопасности в «ПермАлко» и продолжил практику издевательств – уже над рабочими.

Ни одна воинская часть не радовалась, когда присылали выпускника не военного вуза да с погонами лейтенанта, все знали, что он не останется на военной службе. Ни в одну горячую точку такого не пошлешь. Вычтем еще примерно 100 дней из 5 лет обучения.

Лабораторию молекулярной биологии в ЕНИ возглавляет Боронникова, которая ботаник и в генетике ни в зуб ногой. Боронникова даже не знает, кто такой Франк-Каменецкий. Лабораторию «Бактерицид» ЕНИ возглавляет Света Баландина, Света не знает, что облучение бактерий СВЧ – не новость, этим занимались уже давно. Света даже не в курсе, что кишечные палочки успешно размножаются не только при 35, но и при 10 градусах. И не может быть по-другому в затхлой, удушающей атмосфере университета, как ни открывай окна.

Дела давно минувших дней, лабораторией лесоведения ЕНИ заведует доктор наук Прокопьев. Рассказывает сотрудник лаборатории Запоров:

- Прокопьев дал мне на проверку свою докторскую диссертацию. На каждой странице – минимум 20 ошибок по науке.

Пермское телевидение на десятый день прослышало о квантовой телепортации и рвануло в университет. Ректор, физик – ни уха, ни рыла, звонит рядовому доценту, доцент ползет на ТВ и рассказывает, что квантовая телепортация – это не перемещение материи со скоростью, большей скорости света, а просто передача информации. И эту антинаучную чушь передает в эфир пермское болотное телевидение. Ужаснись, читатель!

Зато университет – территория без курения. Эту идейку пробил сотрудник мехмата Игорь Зорин, руководитель пермской ячейки общества борьбы за трезвость. Правда, курить никто не бросил – теперь все курят за проходными. Или в лабораториях.

Смейся, читатель!

*... И как мои ладони жгли,
Горя стигматами во мраке,
Добра, надежды и любви
Опознавательные знаки.*

Недавно правительство РФ решило бороться с терроризмом в университетах. Политехнический – давным-давно режимный, обязать вахтера проверять документы, по крайней мере, в главном корпусе – пара пустяков, их и раньше проверяли. Не то классический университет.

Поначалу в химическом корпусе проверяли пропуска. Потому что в «лихие 90-е» могли украсть дорогие химреактивы.

Однако ж дело в том, что рядом с университетом располагался оборонный завод им. Дзержинского, работало там порядка 15 тыс. человек, производили они масляные сепараторы для военного, да вообще всего флота, охлаждающие системы для подводных лодок и прочее. Когда университет обнесли забором и поставили проходные, работяги покрутили пальцем у виска: как просачиваться через территорию университета к началу и после смены? Ректор покочевряжился – и отменил пропускную систему.

Настал день, и наш стратегический партнер, Соединенные Штаты, попросил президента закрыть завод. Кремль взял под козырек, сначала рабочим стали задерживать заплату, потом увольнять тысячами. Грудью встала на защиту рабочих пермская братва, которая кормилась с «мелкой серии», с производства мотопил «Дружба». Однако пожаловала московская братва, пермских прижали, и в 2008-м завод пал окончательно. Университет остался с никому не нужными железным забором и проходными.

Постепенно наплевали на пропуска и в химическом корпусе. Ибо всё уже разворовали.

А как же борьба с терроризмом?! Непорядок! Повелели в каждом корпусе поставить турникеты и проверять пропуска. За счет университета.

Теперь все, кто не является сотрудником университета или не учится, должны просить кого-нибудь, чтобы выписал пропуск. То есть, для террористов – никаких преград. А ели вспомнить про иностранных студентов, затея против терроризма превращается в анекдот.

Но видите ли, в чем дело. До перестройки еще можно было выкинуть такой фортель, потому что все студенты шли на занятия к 8.00. Ведь что делает вахтер на заводе? Он смотрит на пропуск, если что не так, тормозит турникет. Проверку он продельывает дважды в смену: в начале, когда рабочие заходят на завод, чтобы не прошел посторонний, и после смены, чтобы никто ничего не вынес. В длинном промежутке вахтер отслеживает лишь редких одиночных посетителей.

В университете же вахтер обязан постоянно быть в напряжении, потому что поток студентов и сотрудников университета – с утра до позднего вечера. Кто ж на такое согласится? И если в 1-м, 2-м или в химическом корпусах будка для вахтера – рядом с дверями, то в 5-м она отстоит от турникетов на пять метров.

Потому, когда приказали с октября месяца – строго по пропускам, университет отвечал: «Ага!» Турникеты, оборудованные по последнему слову техники, стоят, как часовые, но через них может проходить кто угодно. Зачем понадобилось бороться с терроризмом в Перми, население которой будет тупо, как корова, продолжать смотреть в точку, даже если разразится ядерная война, знает один президент Российской Федерации.

Обыкновение делать все через задницу – не есть завоевание только России. Весь мир ныне таков, посмотрите, как через задницу фабрикуют пропагандистские штампы, об отравлении Скрипалей, о сбитом «боинге» и прочее, смех на палочке. Педофил Берлускони, целующий руку Кадафи (а тот ее отдергивает), пьяненький Саркози, наутюжившиеся в дымину японские парламентарии, кандидат в президенты, в трезвом состоянии лающая собакой на весь эфир, Обама, ловящий мух перед телекамерами, видимо, предков вспомнил, представитель Госдепартамента Псаки, объясняющая, что в Ростове-на-Дону прекрасный горный воздух, депутат Конгресса США, путающая Чехию и Чечню, которую она хотела побомбить...

Но в случае пермского университета сочетание «через задницу» - не только литературный образ.

Дело в том, что в советские годы деканом химфака был некто Пятосин. В химии он не понимал ровным счетом ничего, а за свои научные работы выдавал курсовые и дипломные студентов факультета. На одной всесоюзной конференции Пятосин огорошил делегатов альфа-орбиталями. Поникли делегаты – вишь, в пермском университете до чего наука дошла, до каких-то неведомых альфа-орбиталей, а они-то и не знают! Оказалось, девочка-студентка в курсовой написала у буквы d маленькую палочку, получилось – альфа.

Как же у Пятосина получилось написать диссертацию, да еще стать деканом??

Дело в том, что жена Пятосина Быкова была заместителем по культуре 1-го секретаря пермского обкома КПСС. А диссертацию Пятосин писал у Виктора Петровича Живописцева, чья мемориальная физиономия ныне красуется на 1-м административном корпусе. И скорость защиты диссертации Пятосина была прямо пропорциональна скорости выдвижения Живописцева в ректоры ПГУ.

Это не всё. Как оказалось впоследствии, Живописцев подрабатывал наркодилером, еще до перестройки. И весь университет еще до перестройки знал, что Живописцев – пассивный педераст. Как и сотрудник кафедры научного коммунизма профессор Мальцев, долгое время возглавлявший пермскую ячейку КПРФ. Я же говорю – далеко не только литературный образ!

Настала демократия. Партком КПСС был преобразован в бюро маркетинга. Бывший секретарь комитета комсомола, затем бывший секретарь парткома Шерстнев стал главой бюро маркетинга. Одну из первых своих реформ он учинил над лабораторией «Резонанс», которая выдавала работы мирового уровня. Ее своим рукам создал талантливейший биохимик ЕНИ Валера Абанькин. Валера разошелся с женой и жил в лаборатории. Шерстнев решил сделать из лаборатории склад под сахар. Валеру выгнали на улицу, он долго бомжевал, потом сгорел в заброшенном доме, где ночевал. Остался от Валеры сборник стихов «Трава провинции».

Валера не просто так основал «Резонанс». Он сбежал от своего шефа, доцента Пидэмского, зав. лабораторией биологической активности. В науке Пидэмский не блистал, но делал большие деньги на изобретениях, гнал по 70 штук в год, за что его фотокорточки висели на доске почета в административном корпусе. Как применялись его изобретения – история умалчивает.

Ректором пермского мединститута был антисемит Вагнер. Это истина. Вагнера нынче хвалит вся Пермь, а балет толстых, как об этом уведомляют журналисты – визитная карточка Перми. Но для университета тема еврейства – особая. Когда физика-теоретик Яшу Стрельникова не оставили в ПГУ по распределению, многие университетские евреи заговорили, что Живописцев – антисемит, ходили легенды, что и как говорил Живописцев, когда кафедра теоретической физики пыталась оставить Яшу у себя.

Одно странно: как же так, физфак был просто переполнен евреями, никто никогда не пытался их увольнять... В ЕНИ спокойно работали доцент Сойфер, доктор Айнбиндер, начальник лаборатории Кибрик, Гога Кюнцель, Гриша Фурман, на кафедре теоретической физики – доцент Непомнящий, профессор Гершуни, доцент Любимов, на кафедре гидродинамики – Братухин, зав. кафедрой металлофизики – профессор Айзензон, еще в ЕНИ - супруги Изможеровы, лаборатория радиобиологии под их началом на 70% состояла из евреев, на мехмате – Аркаша Поносов и еще куча евреев, не было факультета, где бы они не селились стаями. Всё было проще: Яша иногородний, университет не мог предоставить ему квартиры. Яшу распределили на два года директором школы. Уехав в Израиль, Яша стал говорить, что в Перми антисемиты сломали ему жизнь.

После Живописцева университет возглавил Маланин, с механико-математического факультета. Его в соответствии с новыми веяниями избрали по конкурсу вялые сотрудники университета. Маланин быстро перестроился, стал демократом и в новых рыночных условиях начал заниматься бизнесом и выписывать себе материальную помощь, в сотни раз превышающую зарплату профессора. Маланин правил дольше всех, 23 года. Много успел наворовать.

После Пятосина аналогичным образом деканом химфака стала верная дочь КПСС, резко перестроившаяся в дочери «Единой России» Зиночка Белых, мама Никиты Белых, которую взяли студенткой в университет по спортивной баскетбольной линии.

Аналогично стал очередным деканом химфака и тупица Толик Шеин, факультетский стукач, доносивший на сокурсников и декану Пятосину, и в КГБ (то бишь, в 1-й отдел). Его брат Виктор служил чиновником в администрации уголовника Юры Трутнева, когда тот был губернатором Пермского края. Братец проворовался, его ненадолго убрали из вице-губернаторов с глаз долой, пришлось уйти из деканов и Толику. Sic transit gloria mundi.

А университет – университет живет. Тихо, как всегда. Травку жует и в носу ковыряет. Что ему сделается.

... И вот в поту царева рать
От леса щепки собирает,
Когда душа уже не знает,
В какую сторону кричать.

7-9.10.2019